

УДК 821.161.1-311.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К72

Габриэль Коста
Моя дорогая Оли...

Иллюстрация на обложке и в блоке
Дарьи Дмитриевой (MARKASS)
Дизайн обложки Яны Половцевой

Коста, Габриэль.

К72 Моя дорогая Оли... : [роман] / Габриэль Коста. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 352 с. — (Звездная коллекция молодежной прозы).

ISBN 978-5-17-157310-2

«Жизнь — нескончаемый праздник» — таков девиз Оливии Корон. Яркая, принципиальная и безумная, она сыграла важную роль в истории своих друзей. Однако в череде событий Оливия не заметила, как осталась совершенно одна. К тридцати трем годам она устала быть свидетелем чужого счастья и решила отправиться на поиски своего собственного. Случайная встреча со знаменитым писателем и вместе с тем одним из самых красивых парней по версии модных журналов — Ричардом Альваресом способна дать Оливии то, чего, кажется, ей так не хватало, — любовь. Вот только Оливия упорно бежит от счастья, но, возможно, природа наградила Ричарда длинными ногами, чтобы поспевать за ней и всегда быть рядом.

Это история о поиске самой искренней и важной любви.
Это история Оливии Корон!

УДК 821.161.1-311.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157310-2

Copyright © Габриэль Коста, 2023
© Дарьи Дмитриевой,
иллюстрация на обложке и в блоке
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Отзывы

Книжный блогер [marache.ks](#)

История Оливии — это история человека, который в определенный момент жизни останавливается, чтобы осознать и понять, куда двигаться дальше. Казалось бы, у тебя все есть: собственная квартира, успешная карьера, улыбки и благодарности от пациентов, верные друзья, заполненная контактами телефонная книга, но ты чувствуешь одиночество среди толпы. Оливия окружена людьми, каждый день она работает и спасает души, но кто спасет ее собственную? Книга о том, как мы бежим от самого себя, скрывая все за улыбкой. Но настанет тот момент, когда захотим остаться, когда захотим выбрать другую дорогу. Дорогая Оливия, ты достойна быть счастливой. Как и каждый из нас.

Лео Велес, блогер [@box_37](#)

Теплая история о поиске себя в этом мире. Вам предстоит окунуться в омут переживаний зрелых людей, отчаянно стремящихся отыскать свое настоящее «я». Книга, дарящая надежду, что чудеса случаются даже со взрослыми... Если позволить себе поверить в них... И в себя.

Книжный блогер Алена [alena_alexenko](#)

Никто не застрахован от того, чтобы не разлететься на мелкие осколки под тяжестью собственной вселенной. А как себя собрать?

Твой выход, Оли.

Пора найти дорогу домой.

Книжный блогер @al_mo_bookss

«Моя дорогая Оли...» ведет читателя запутанными тропками, вызывая миллионы вопросов, заставляя гадать, но с жадностью следить за развитием событий. «Моя дорогая Оли...» — это путешествие вглубь себя, это поиск самой себя, обретение душевного равновесия, любви.

Писатель Сьюзи Литтл

Если и есть в книжной вселенной персонаж, который незаслуженно обделен вниманием, так это Оливия. Эта девочка оставляет свой неизгладимый след в жизни и в сердцах читателей. И она тоже, безусловно, заслуживает счастья. Ну, что же, пристегните ремни: настал черед нашей дорогой Оли поведать нам свою историю.

Ольга Аст, автор цикла «Последний Словотворец»

Вместе с Оливией читателю предстоит пройти путь от Парижа до Малайзии в погоне за ответами на извечные вопросы. Приготовьтесь к тому, что по дороге ярким блескам суждено осыпаться, а пальто незнакомца станет поворотным моментом в жизни. «Моя дорогая Оли...» снимет перед нами все маски и закроет гештальт в лучших традициях Габриэля Косты.

Книжный блогер tinagun

«Моя дорогая Оли...» — это история о пути к самому себе, осознание, кем ты являешься на самом деле, и понимание своей ценности и значимости для окружающих тебя людей. Важно не только помогать близким, но необходимо и уметь принимать помощь. Ведь даже самый сильный человек однажды будет нуждаться в протянутой руке и заботе. А постоянно прятаться за улыбкой, скрывающей огромную боль, не выйдет. Быть счастливым или всю жизнь нести на себя груз вины. Что выберешь ты?

*Мне бы хотелось посвятить эту книгу своей подруге
Александрии Рихтер, а также всем, кто отчаянно
ищет свое место в жизни. Вы уже достойны счастья,
не забывайте об этом и любите себя.*

Пролог

— Итак, Оливия Корон, приступим.

Голубые глаза, полные злости, гипнотизировали пластиковый стакан с водой. Разноцветные пряди волнами спадали вниз, переплетались между собой, словно водопад из красок. Ее внимание, несмотря на настойчивую просьбу офицера полиции поднять голову и посмотреть на него, переключилось на собственные руки, так некстати напомнив о прилипчивой привычке друга. Отис, один из ее лучших друзей, всегда, когда переживал, смотрел на свои руки и выпадал из реальности. Взгляд скользнул по ногтям — два из них сломаны, но не время и не место думать о маникюре, когда твои руки скованы наручниками. Мог ли ее отец даже в самых безумных мыслях представить дочь на скамье подсудимых? Девушка покачала головой, от ярости крепко сжала зубы и дернула руками. Звякнула цепь. Крепкие наручники. Просто так не снимешь, пришлось бы постараться, если бы она захотела избавиться от них. Вопреки желанию, девушка все же сгорбилась — она сильно устала. Яркое, блестящее платье натянулось на плечах. Напряженный выдох раздался откуда-то слева.

— Что, мы снова играем в молчанку?

На эти слова офицера подозреваемая только закатила глаза. Ей прекрасно были известны все уловки полицейских.

Она тут второй день, и пока они не придумали ничего нового — просто запирали ее в маленькую комнату с тусклым светом. Тьма... Тьмы она точно не боялась.

— Хорошо, начнем сначала.

— А что — допросы могут начинаться с конца? — она резко подняла голову, и пряди волос чуть заблестели. Она закусила нижнюю губу, включаясь в глупую игру и желая взять от ситуации максимум. — Что за тупая фраза? Начнем сначала? Вам ваше руководство не давало никаких указаний? Вы знаете, кем я работала несколько месяцев назад, офицер Китайские Палочки?

— Китайские Палочки? — на мгновение полицейский опешил от странного прозвища. Он точно представлялся, когда заходил в комнату. Задержанная намеренно игнорировала его.

— У вас штаны не по размеру, а ноги худые... как китайские палочки, — девушка склонила голову набок. — У вас носки выглядывают из-под штанов, а штанины обтягивают ноги, как сетка колбасу, — она кровожадно облизала губы. — Ваш вид не устрашает, только смешит. Мой совет: купите себе форму подходящего размера, — бросила она лениво и откинулась на спинку стула.

— Когда мы решим с вами все вопросы, я обязательно куплю новые штаны, — раздраженно бросил офицер.

Оливия вопросительно приподняла бровь. Неужели он собирался играть в плохого и хорошего полицейского... один?

— Мне доподлинно известны ваши характер и манера речи. А главное — ваша профессия. Однако полиция США и не таких раскалывала. И вы не станете исключением.

— Ох, месье полицейский, я не понимаю вашего вопроса, — на ломаном английском заговорила подозреваемая, широко улыбаясь. — Вы сказали, что изнасилуете меня, если я не дам показания? Мне нужен адвокат! Я требую адвоката!

— Мисс, ведется запись нашего разговора, такой маневр не сработает, — полицейский улыбнулся и бросил красную папку на стол. — Дайте показания, как взрослый человек, и мы... я освобожусь пораньше.

— Красная папка? Может, предложите мне сделать выбор между синей и красной папками¹? Вы не оставляете никакого простора для фантазии! Мне нравится блаженная ложь. Поверьте, офицер Нео, я ей всю жизнь упиваюсь. Я выбираю синюю папку!

Не выдержав насмешливый тон подозреваемой, полицейский сорвался и пнул свой стул, который упал на пол. Вода пролилась из стакана, стоявшего на столе.

Задержанная посмотрела на все это с равнодушием.

— И что же это было, офицер-невротик? Вы пытались меня напугать? Я принимала роды у коровы. Мне вообще ничего не страшно.

— Вы знаете, какие обвинения вам предъявляют?

— Да.

— Тогда я не понимаю, почему вы так расслаблены и спокойны, — зашипел полицейский.

— Знаете, сколько в мире происходит *убийств*? — она посмотрела в сторону, прячась не от внимательного взгляда полицейского, а скорее от собственных мыслей. Что она поняла в жизни, так это то, что от себя не убежать. — Если бы я переживала каждый раз за то, в чем меня обвиняют... до тридцати трех бы не дожила.

— Тогда позвольте мне еще раз зачитать обвинения, и мы приступим к обсуждению, — полицейский скрипнул зубами и поднял стул. — Мы даже не определились с вашей позицией по данному делу. Поменьше сарказма, шуток и... давайте уже перестанем тратить время.

¹ Отсылка к фильму «Матрица», где главному герою предлагается сделать выбор между синей и красной таблетками. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.*

— Прекрасно, офицер, зажигайте! — она улыbnулась и попыталась изобразить, как поджигает зажигалку.

— Оливия Корон. Возраст: тридцать три года. Родилась в Париже. Последние несколько лет работала частным психотерапевтом. Детей нет. Животных нет. Не замужем.

Хотя полицейский говорил холодно, Оливии казалось, что ей *уже* вынесли приговор в виде проклятого одиночества. Она опустила руки вниз и сжала кулаки. Никто и никогда не должен уличить ее в слабости. Тем временем офицер продолжил.

— Итак, Оливия Корон. Вам предъявлены обвинения *в убийстве человека*. Вам грозит высшая мера наказания в штате Техас — смертная казнь. Вы понимаете, что, если у вас не найдется алиби или же обстоятельств, смягчающих наказание, летом этого года вы отправитесь в камеру смертников? Что вы скажете в свое оправдание?

— *У меня не было выбора.*

Точка кипения

На зеленый, казалось, по-летнему свежий газон падали крупные хлопья снега. Переменчивая погода никому не давала шанса сосредоточиться. Скорее всего, через пару часов снег превратится в потоп из грязи и слякоти. Тринадцатое ноября. Слишком рано для такой погоды в пригороде Парижа, да и для Франции в целом.

Ее взгляд устремился вверх, к небесам, и в светлых глазах отразились серое небо, еле заметный туман и настырная печаль.

Оливия снова попала в капкан из череды однотонных дел. День начался с завтрака, и уже через мгновение резко наступило пять часов вечера. И вот уже они вместе с другом стояли и смотрели, как лениво падает на голову ледяной пепел небес. Снежинка коснулась ее лба, растаяла и побежала каплей вниз по щеке. Затем еще одна. И еще. Все происходило так медленно, что хотелось кричать, хотелось поторопить всех вокруг и саму вселенную. Возможно, она бы так и сделала, если бы знала, что ее ждет в конце. Избегание — не ее способ решения проблем. Идти тараном, пока не достигнет цели — или не найдется иной, более выгодный способ ее достижения.

А сейчас цели нет.

Она резко опустила голову вниз. Прядь волос выбилась из замысловатого пучка. Листок бумаги с подготовленной

речью размок и развалился на куски. Затуманенный взгляд потерялся в узорах чернил на пальцах. Раздался гром, но она не шелохнулась. Кто-то коснулся ее руки.

— Оливия, слышишь? Хей, дорогая, ты готова? Давай лучше я? У меня есть что сказать.

Встревоженный голос заставил ее обернуться. Зеленые глаза пристально вглядывались ей в душу.

— Ты не в порядке. Произносить речь в твоем состоянии — это настоящее безумие.

— Нет, — отрезала она. — Я смогу. У меня все хорошо. Все *отлично*. Я справлюсь, — она проговорила это стальным тоном против своей воли. Совесть кольнула ее сердце за грубость, но сил, чтобы выжать из себя хоть какие-то извинения, не нашлось. Она просто посмотрела на друга. — Отис... Я могу встать и произнести эту речь. Я могу.

Хоть Отис кивнул, Оливии он не поверил. И не зря. Она повернула голову в сторону пьедестала. Там она должна совершить последний рывок в череде сумасшедших дней, и потом можно упасть хоть в пропасть к сатане. Уголок губ дернулся в кривой улыбке. Ее отец никогда не верил в бога. Он отрицал и религию, по крайней мере христианскую, и отмахивался от споров и с атеистами, и с глубоко верующими. Забавно то, что над ним все же совершили бестолковые, с его точки зрения, обряды после смерти.

Оливия глубоко вздохнула, напряглась всем телом и приложила последние силы, чтобы подняться со стула. Она собиралась во что бы то ни стало пройти до этого пьедестала гордо и не упасть в грязь лицом — ни фигурально, ни буквально. Однако каблуки то и дело утопали в мягкой земле. В какой-то момент ее посетила мысль скинуть их, но Оливия смогла удержаться от еще одного провокационно-глупого поступка. Все происходящее ощущалось неправильным: не верящего в бога человека хоронили по католическим обычаям, а она шла к священнику не в черном одеянии, а в блестя-

щем серебряном коктейльном платье, и не плакала. Вновь смерть поставила ее на колени, и теперь она вынуждена перекинуться с ней парой слов, как со старой приятельницей. Оливия встала около пьедестала, по рассеянности опустив глаза на руки, в поиске листа с подсказками.

— Мой отец...

Она остановилась и шокированно приоткрыла рот. Это действительно происходило. Оливия Корон хоронила последнего родного по крови человека. Ей тридцать три года, и, несмотря на то что у нее было множество друзей, из родственников теперь никого не осталось. Взгляд судорожно бежал по собственному платью. Она пришла на похороны отца именно в нем, потому что... потому что ничего другого у нее не нашлось. Вместо скромного макияжа — боевой раскрас, яркий маникюр. Ее глаза скользили по головам присутствующих. Все в черном. Она одна — как сумасшедшая стояла и сверкала. Оливия Корон — белая ворона. Была и ей останется.

— Мой отец был хорошим человеком. Без преувеличений. Когда мы оба потеряли маму, он стал мне настоящей опорой. Как мог он помогать мне найти свой путь. То, что наши профессии совпали — случайность, — Оливия сама не верила своим словам: случайности точно не случайны. Просто публике нужно что-то сказать. Неправда подойдет. — Мой отец — гений своего дела. Больше двадцати пациентов на его похоронах — тому доказательство. Конечно, он совершал ошибки. Все мы их совершаем. Но именно он научил меня тому, что нам, людям, свойственно ошибаться. Важно нести ответственность за ошибки и уметь исправлять их, — она вдохнула резко, чуть не потеряв дар речи. — К сожалению, у его машины отказали тормоза. Кого винить в его смерти? Неизвестно. Производителя? Сервисных работников, к которым он заезжал накануне? В жизни так много переменных... — Оливия подняла голову. Пучок волос окон-

чательно развязался, ее обдувал холодный ветер, и, кажется, снег превратился в дождь. — Его жизнь и смерть учат нас одному: цените мгновения, которые у вас есть. Любите ваших близких. Не мешайте себе быть счастливыми. На этом я заканчиваю свою прощальную речь... Прощай, пап.

Стоило последнему слову сорваться с губ Оливии, как рабочие стали опускать гроб в яму. Цветы, которыми покрыли крышку, сияли белизной и невольно заставляли отвернуться от своей яркости. Оливия наблюдала за процессом, словно змея, выслеживающая мышь в траве. Она только сейчас поняла, как замерзла и устала.

Частная клиника «Корона» отнимала все ее свободное время. У них с отцом множились дела, и неважно, сколько они прикладывали усилий, меньше их не становилось. Количество пациентов росло, и в какое-то мгновение снимаемый офис превратился в трехэтажную клинику, где доктор Корон стал директором, а Оливия — заведующим врачом. Врачом, который вел всего лишь пару пациентов из-за высокой загруженности.

Гроб опустился на дно вместе с ее переживаниями. Собственная голова представлялась бутылкой, в которую заклинили бурю из несвязанных мыслей и навязчивых идей. До зуда на кончиках пальцев Оливии хотелось вытащить невидимую пробку и дать им свободу. Она устала держать все в себе. Впервые за тридцать три года она почувствовала, как стенки ее собственной тюрьмы дают трещины.

Лопата одного из рабочих с резким хлопком погрузилась во влажную землю, и ее комки посыпались на белоснежные облака из цветов. Оливия продолжала стоять и смотреть на то, как история жизни длиной в шестьдесят пять лет исчезает под ней. Настанет день, и ее прах тоже разлетится где-нибудь над восточным побережьем в США, или же ее тело разорвут животные в промерзлой Сибири, а может, плот с ее трупом спустят по реке и подожгут. Вариантов перейти из одной

формы существования в другую уйма; благо, она не узнает, во что превратилась после смерти. Похороны — это вообще не о том, чего хочет покойный. Это о том, чего хотят живые.

Оливия написала бы завещание друзьям, но мысль о времени, которое катящимся камнем давило дружбу, надежды и ожидания, не давала ей этого сделать. Мама когда-то все же уговорила отца, чтобы его похоронили по христианским обычаям. Ужасно, что именно на плечи Оливии легло выполнение этого обязательства, хоть все это и логично. Дети — продолжение своих родителей. Их век обычно чуть длиннее. Жаль, что подготовиться к такому травмирующему факту, как смерть близкого человека, нельзя.

Как только последний комок земли упал на могилу, руки Оливии соскользнули с пьедестала. Дождь прекратился, и вдруг в груди разлилось тепло. То ли на улице резко потеплело, то ли она совсем обезумела. Рабочий воткнул в землю лезвие лопаты, и вместе с тем уши Оливии пронзил противный визг колес по асфальту. Она, несмотря на усталость, резко дернулась и распахнула глаза в поисках машины. Однако увидела лишь лес из крестов и могильных камней. Кладбище простиралось на несколько километров вперед. Дорога же, по которой они попали сюда, находилась в противоположном направлении. Взгляд светлых глаз перепрыгивал с одного каменного ангела на другого, с одного пожелтевшего дерева на другое. Она прикрыла глаза, пытаясь собраться. В ушах стоял звон, заставляющий ее голову склониться. Ей нужно успокоиться.

Дождь прекратился, и Оливия подняла глаза к черному небу зонта. На ее плечи накинули пальто.

— Оливия, хватит, — она услышала за спиной уверенный голос Конарда, когда он набросил ей на плечи тяжелое пальто. Она обернулась, посмотрела на него, но мыслями находилась где-то далеко отсюда. — Нам еще нужно ехать на прощальный вечер. Сможешь потерпеть еще немного?

Оливия без слов забрала зонт из его рук и двинулась в сторону машины. Единственное, чему она научилась в этой жизни, — так это терпеть невзгоды и идти к своей цели. Осталась последняя ступенька — и она будет предоставлена самой себе. Благо, Конард обо всем позаботился, и ей не нужно уже делать ничего, кроме как появиться на прощальном ужине и услышать примерно миллион сочувствий. Земля хлюпала под ногами. В пальто и с зонтом над головой ей стало намного теплее, и мысли спокойно потекли в нужном русле, заставляя ее тело не бездумно двигаться вперед. Она опустила глаза на часы и заметила, что они остановились. Когда это случилось? Похороны незаметно для нее затянулись на пару часов? Серые облака затянули небо, и определить, который час, она так и не смогла, но сгущающаяся тьма намекала, что пора уходить. И она пошла. Не совсем уверенной походкой, но зонт и пальто скрывали ее слабость. Черный «Камаро» ждал ее с включенными фарами и открытой дверью, словно монстр с открытой пастью. И вновь по привычке она, не раздумывая, залезла внутрь. Ее встретили стаканчик с кофе, плед и сидение с подогревом.

Она рассталась со своими друзьями — зонтом и пальто, оставив их на подъездной дорожке.

— Месье Легран попросил купить вам кофе и что-то перекусить, — водитель вглядывался в силуэт Оливии на заднем сидении. — Если вы вдруг изъявите желание, скажите или махните рукой. Может, хотите куда-нибудь заехать перед прощальным ужином? Домой? Переодеться и принять душ? Никто не удивится, если вы опоздаете, мадемуазель Корон.

— Нет, поехали сразу на ужин, — она всматривалась в зеркало заднего вида, изучая и пытаясь понять, чем вызвана обеспокоенность водителя: тем, что Конард ему хорошо заплатил, или же это искреннее сочувствие. — Я готова.

— Я поеду объездной дорогой, чтобы ваша одежда высохла, мадемуазель Корон.

Водитель переключил свое внимание на дорогу, поэтому мог только спиной почувствовать испепеляющий взгляд Оливии. Какой настырный... проигнорировал ее желание казаться всеильной и дал столь необходимую передышку. Раздражение разрядами тока побежало по позвоночнику, побуждая бросить пару колких фраз, однако усталость все же заставила прикусить язык. Оливия отвернулась к окну, чтобы отвлечься, глядя сначала на кресты, а потом на Париж.

Город уже успел ей наскучить. За последние десять лет самое крупное изменение, произошедшее в нем, — демонтаж Эйфелевой башни. Парижане добились своего, и вместо неуклюжего памятника теперь появилось еще одно поле. После открытия клиники Оливия не появлялась в центре Парижа почти полгода. Деловые бумаги и сложные пациенты сожрали все ее время. Какая разница, в каком городе твоя квартира, если ты все равно не выходишь за ее пределы? Доставка и деньги заменили ей реальный мир. Пациентов она принимала в клинике, а старых друзей, например, Конарда, у себя дома.

Оливия поехала. На открытие собственной клиники их вдохновил Отис, а Конард дал денег. Несмотря на многолетнюю дружбу, доктор Корон взял кредит в банке Легранов по условиям для обычных клиентов. Оливия совершенно не волновалась за его погашение. Дела шли так хорошо, что и не верилось. Они качественно отбирали врачей, а уж про опыт и известность ее отца говорить не приходилось. Она носила фамилию одного из самых талантливых психиатров.

Она случайно заметила, что водитель, выполняя обещание, поехал по окружной. Это даст ей всего минут тридцать побыть наедине с мыслями. Она потеряла отца в результате страшного ДТП. Его пришлось хоронить в закрытом гробу. После крупной ссоры они не виделись почти пять дней и вот встретились на опознании, где лишь ДНК напоминало об их родстве. Теперь она стала единоличным держателем